

Recent themes in historical thinking: historians in conversation, Edited by Donald A. Yerxa, Columbia, S.C.: University of South Carolina Press, 2008. ISBN: 978-1-57003-740-5.

рецензент/ Rezensent:
Юрий Зарецкий/ Jurij Zareckij

Российский историк вряд ли сможет безразлично пройти мимо только что вышедшей книги размышлений западных коллег об историческом «ремесле». Ему еще слишком памятливы наши дискуссии на ту же тему: сначала о необходимости перехода от формационного подхода к цивилизационному, потом о кризисе исторической науки, о влиянии на нее постмодернизма, о новых направлениях исследований. А какие вопросы обсуждают они? О чем спорят?

Книгу составляют короткие статьи и интервью университетских профессоров, редакторов журналов и авторов научно-популярных работ по истории из Великобритании (в большинстве случаев), США и Канады. Все они публиковались в последние годы в журнале «Historically speaking», адресованном студентам и, как у нас говорят, «всем, кто интересуется историей». Среди авторов можно встретить как знакомые российским историкам имена – Вильяма МакНила, Ричарда Эванса, Аллана Меджилла, чья монография недавно вышла на русском языке¹, – так и совсем неизвестные (преподавателей небольших британских университетов, редакторов англоязычных исторических журналов, специалистов в области образования). Все материалы группируются по трем разделам: «Состояние исторических исследований», «Постмодернизм: три точки зрения» и «Рассматривая альтернативы».

Первый из них, претендующий на постановку общего «диагноза», привлекает наибольшее внимание. Особенно интересны те его статьи и интервью, в которых речь идет о социальной роли исторической науки. Так, например, Аллан Меджилл, опираясь на размышления Мишеля де Серто, ставит здесь вопрос о необходимости более последовательной реализации историей ее критической функции. Его призыв к историкам «показывать не преемственность между прошлым и настоящим, но, скорее, разнообразие различных возможностей содержащихся в прошлом, возможных дорог, разнообразия» (15), для многих покажется неожиданным, может быть даже неприемлемым, но все равно заставляющим задуматься о главных задачах работы историка.

Интервью с Дэвидом Кэннэдином, многозначительно озаглавленное: «Что такое история сегодня?», напротив, разочаровывает своей почти детской наивностью. Кэннэдин убежден, что о положении дел в исторической науке не стоит особенно раздумывать и тем более беспокоиться – «история обладает удивительной способностью самообновления» (19). Что касается ее проблем, то они сегодня остаются теми же, что были всегда: это проблемы

¹ Мегилл А. Историческая эпистемология. М., 2007.

свободы историка (21-22). Все дело, оказывается, в том, что, с одной стороны, «по-прежнему существует много репрессивных режимов, которые хотят слышать правду о прошлом не больше, чем правду о настоящем», а, с другой, этим режимам противостоят историки – «люди честные и увлеченные, которые выступают за правду и свободу...» (22).

Во втором разделе представлены три материала об отношениях истории и теории постмодерна. Наиболее глубокие размышления на эту тему содержатся в статье Беверли Саусгейта «Постмодернизм и исторические исследования: Сознательно нанесенный урон?». Ее автор, профессиональный философ, в отличие от коллег-историков, совсем не склонен отвергать или осуждать постмодернистскую мысль. Вместо этого он предлагает всерьез считаться с ней и терпеливо разъясняет: сегодня мы живем в эпоху, существенно отличающуюся от эпохи XIX – начала XX вв. («модерности»), и для обозначения этой эпохи используют понятие «постмодерность». Понятие же «постмодернизм» используется для обозначения попыток теоретического осмысления этой новой реальности. И историки не могут находиться от этого осмысления в стороне (64). В частности, они не могут не признать, что сегодня, несмотря на огромную потребность в истории в качестве источника смыслов и определения путей движения вперед, ее авторитет как советчика утрачен:

«Существовавшее долгое время соотношение исторической истины с *одним* правильным изображением прошлого кануло в вечность. Ясно, что истина не может быть абсолютной, однозначной, неоспоримой и статичной; ее, по-видимому, лучше понимать как часть имеющейся в нашем распоряжении интеллектуальной (и эмпирической) конструкции, которую мы согласились принять – пусть временно или неосознанно» (65).

И как бы ставя себя на место историка, автор продолжает:

«Сознавая неразрешимость задач, которые перед ними стоят, историки, тем не менее, вынуждены делать выбор, пользоваться своей свободой и решать для себя, какой вид примут их истории. И пытаясь, в отсутствие прежних дисциплинарных опор, справиться с хаосом прошлого сами, могут встречать большие трудности в понимании путей продвижения вперед (или назад)» (67). В этой ситуации проблематичности исторической истины историкам, как и другим гуманитариям, заключает Саусгейт, ничего не остается, как реалистично смотреть на вещи:

«...наш поиск – не только в истории – становится непрерывным процессом, путешествием без конечной цели; и одно из важных назначений самого исторического исследования может состоять просто в разъяснении и подтверждении этого. Ибо история, – добавляет он, – в конце концов, первоначально понималась как *исследование*» (67).

Два других автора раздела, Кристофер Биэн МакКалг и Вилли Томпсон, относятся к постмодернистской мысли с плохо скрываемой неприязнью, в особенности последний, недавно опубликовавший книгу «Постмодернизм и история»². Общий взгляд на постмодернистскую «школу» в статье Томпсона вполне ожидаем: хотя она и породила «несколько полезных прозрений» (73), это направление мысли вредное, империалистическое и, по сути,

² Thompson W. Postmodernism and History. NY, 2004.

безнравственное, поскольку знаменем его является «релятивистский скептицизм по отношению ко всем историческим интерпретациям» (72).

Тематика третьего раздела, посвященного «альтернативной истории», многим может показаться неожиданной. Но не прилежным читателям «Одиссея», которые увидят в ней удивительно много знакомого – именно «истории в сослагательном наклонении» был посвящен один из специальных выпусков ежегодника восемь лет назад³. Эти читатели снова встретятся здесь с размышлениями о необходимости и случайности в истории, с «эффектом бабочки» Эдварда Лоренца (в наших дебатах это «бабочка Брэдбери»), с разными мнениями о возможных областях применения «альтернативной истории».

Наиболее существенное различие, пожалуй, заключается в понимании нашими историками и авторами рецензируемого сборника причин обращения к ней сегодня. Последние называют в их числе упадок марксизма (и вообще истории, опирающейся на социальные науки), кризис теории модернизации и влияние постмодернизма (78). Для авторов «Одиссея» это прежде всего протест против «агрессивного детерминизма» в его советско-марксистском варианте и всей позитивистской науки (А.Я. Гуревич).

В целом материалы сборника – чтение полезное. Оно дает представление об отношении к своему «ремеслу» довольно значительной группы зарубежных историков. Но отнюдь не захватывающее: слишком много в этих материалах поверхностных суждений, банальностей, воинствующего консерватизма и, наоборот, слишком мало теоретической глубины, оригинальности, новизны.

³ Одиссей 2000. М., 2000.